

Н. Г. Брагина

ПАМЯТЬ
В ЯЗЫКЕ
И КУЛЬТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

противопоставлены обывателю (оппозиция «свой» — «чужой»). Затем в языке обывателя происходит смешение стилей, что означает окончание ценностного и наступление профанного периода.

Например, словосочетание *лучшие порывы*, имевшее ценностные коннотации в речи народнической интеллигенции, может употребляться иронически: *...самые лучшие порывы прилились не к концу речи...* (А. И. Солженицын. *Апрель Семнадцатого*); *Да и сам клиент ищет в себе лучшие порывы и примеряет к ним выражение лица (радио Свобода. Циклы: Новые письма русского путешественника).*

Смена культурных коннотаций рассматривается как диалогическая реакция на культурные установки предшествующего периода.

Идеологический дискурс. В России после революции 1917 г. в процессе возникновения новой идеологии произошла сакрализация некоторых слов и фразеологизмов. Например, относительно словосочетания *классовая борьба* один из революционных лидеров (Карл Радек) заметил, что этот фразеологизм еще надо уметь употреблять, имея в виду, что не каждому можно позволить это делать [Жак Деррида 1993, с. 89]. Подобным образом он высказался о статье, посвященной Гёте и написанной В. Беньямином. Был сформулирован запрет на употребление фразеологизма в неадекватной ситуации (статья о Гёте) и «чужим» (западным философом).

Систему запретов на употребление единиц языка, непосредственно содержащих элементы «другой веры», можно проиллюстрировать на примере толковых словарей, написанных в советское время. В них при редактировании частично купировались фразеологизмы, содержащие слова *Бог* и *черт*. Не разрешалось также с прописной буквы писать слово *Бог*.

В иронический период идеологическая модель разрушается и происходит обыгрывание клише.

Ироническое обыгрывание ценностных клише можно проследить в романе В. Набокова «Дар». В нем каноническая личность 60-х гг. XIX века Н. Г. Чернышевский описывается иронически. Вновь созданную идеологию В. Набоков уподобляет «новой вере», которая возникает путем частичной трансформации смысловых компонентов, относящихся к прежней вере, ср.:

Проследим и другую тему «ангельской ясности». Она в дальнейшем развивается так: Христос умер за человечество, ибо любил человечество, которое я тоже люблю, за которое умру тоже. «**Будь вторым Спасителем**», советует ему лучший друг, — и как он вспыхивает, робкий! слабый! (почти гоголевский восклицательный знак мелькает в его «студентском» дневнике). Но «Святой Дух» надобно

заменить «Здравым Смыслом». (...) Биографы размечают евангельскими вехами его тернистый путь (известно, что чем левее комментатор, тем питает большую слабость к выражениям вроде «Голгофа революции» (В. Набоков. *Дар*).

Новая вера создается путем введения и подмены ценностных сочетаний: *Святой Дух* замещается на? *Здравый Смысл* (с большой буквы!), *Голгофа* — на *Голгофу революции* (метафора). Н. Г. Чернышевского призывают быть *вторым Спасителем*. Так В. Набоков обозначает тему *ангельской ясности* (ср. также *ленинская простота*).

Демифологизация личности Н. Г. Чернышевского достигается также с помощью столкновения в пределах одной фразы клише (*стержень добродетели, скованный великан*) и живой разговорной речи, ср.:

(1) (он) вообще прославился неумением что-либо делать своими руками (при этом постоянно лез помогать ближнему: «да не суйтись вы не в свое дело, стержень добродетели», грубовато говорили ссыльные) (В. Набоков. *Дар*).

(2) И вовсе уж пагубными для него были попытки его освободить, попытки сами по себе смелые, но кажущиеся бессмысленными нам, видящим с изволака времени разность между образом «скованного великана» и тем настоящим Чернышевским, которого только бесили старания спасителей (В. Набоков. *Дар*).

Таким образом, циклическая смена культурных коннотаций: от ценностного к профанному, от профанного к ироническому, от иронического к историческому — происходит внутри разных типов дискурса. Порядок смены культурных коннотаций может рассматриваться как диалогическая реакция на культурные установки предшествующего периода. Диалог между языком и культурой осуществляется, таким образом, посредством культурных коннотаций, закрепленных за устойчивым контекстным употреблением лексических единиц.

§ 3. Словосочетание русский язык:

ценностные коннотации

В предыдущем параграфе был рассмотрен порядок смены коннотаций внутри разных типов дискурса. В данном параграфе будет проанализирован коннотативный фон концепта *русский язык*, который внутри разных идеологических систем интерпретировался как: «великий и могучий язык»; «язык культуры, революционных идей»; «язык, на котором говорит значительная часть населения земного шара». Разные интерпретации *русского языка* находились в определенном согласо-

нии с той языковой политикой, которую проводило Российское государство.

Русский язык как ценность. Формирование коннотативного фона. В оформлении коннотативного фона русского языка я бы хотела выделить четыре периода.

Первый — формирование коннотативного фона церковнославянского языка в XI—XVII веках. На его оформление оказали влияние монахи, составлявшие большую часть грамотных людей на Руси. В этот период было сформировано представление о языке как о высочайшей ценности. В характере и способах интерпретации *русского литературного языка* сохраняется определенная преемственность с теми ценностными представлениями, которые сложились по отношению к *церковно-славянскому языку*.

Второй — создание коннотативного фона русского литературного языка в XVIII—XIX веках: в эпоху классицизма, романтизма и (в меньшей степени) реализма.

Третий — образование коннотативного фона русского литературного языка после Октябрьской революции 1917 г. под влиянием революционной и (позже) тоталитарной идеологии.

Четвертый — конструирование коннотативного фона русского литературного языка в период Второй мировой войны и после ее окончания. После 1945 г. русский язык начинает использоваться как инструмент языковой политики, выражающий идеологию сверхдержавы.

Для всех периодов характерно представление о языке как о ценности. Ценность языка поддерживается авторитетными именами, наделенными этиологической функцией и выступающими в качестве поручителей.

Рассматривая концепцию, выражаемую в слове «auctor», С. С. Аверинцев отмечает ее близость этиологическому мифу. Он отмечает также, что установка на санкционирующую «авторитетную» инициативу по образцу этиологического мифа существует и по сей день на уровне сложных идеологов, дававших и дающих «этиологическую» функцию «великим людям» национальной политической и культурной истории [Аверинцев 1996, с. 81—82].

Для *первого периода* ключевыми являются имена *Кирилла и Мефодия*. Например, старообрядцы считали церковнославянский язык святым, поскольку его создатели, Кирилл и Мефодий, почитались как святые люди. Необычайно значимый в Древней Руси греческий язык, с которого переводились священные книги, признавался языком более грешным, чем церковнославянский: греческий язык исконно принадлежал язычникам, а не был создан, как церковнославянский, святыми людьми [Успенский 1994, т. 1, с. 333—367].

В отношении *второго периода* можно выделить некоторую совокупность имен, легитимирующих ценность русского языка: *Русский язык — это язык Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского*. Общее клише: *Русский язык — это язык великой русской литературы*.

Третий период характеризуется связью концепта *русский язык* с именем *В. И. Ленина*, ср.:

Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин (В. Маяковский. *Нашему юношеству*).

Несколько в иной форме эта связь выражается в программных лингвистических статьях, например, в статье *Русский язык*, написанной Ф. П. Филиным для энциклопедии «Русский язык», ср.:

Огромное влияние на лит.[тературный] язык (...) оказал и оказывает язык сочинений В. И. Ленина, поскольку ленинизм лежит в основе всей нашей общественной жизни... (Ф. П. Филин. «Русский язык». 1979).

Четвертому периоду свойственна связь концепта *русский язык* с именами поэтов и писателей *великой русской литературы*: *А. С. Пушкина*, прежде всего, и *В. И. Ленина*. Как известно, временные границы современного русского литературного языка охватывают период от Пушкина до наших дней. Фраза *Пушкин — это наше всё* — стала крылатой, хотя, как отмечает Ю. М. Лотман, в процессе литературного развития актуальность *А. С. Пушкина* то возрастала, то падала. Он определил это как вид культурного забывания и припоминания, ср.:

«Синусоидный характер (например, падение актуальности Пушкина для русского читателя в 1840—1860-е гг., рост ее в 1880—1900-е, падение в 1910—1920-е и рост в 1930-е и последующие годы, смена “сбрасывания с корабля современности” и “возведения на пьедестал”) — наиболее простой вид культурного “забывания” и “припоминания”» [Лотман 1992, с. 201].

Таким образом, ценностные коннотации в течение нескольких веков характеризовали словосочетание *русский язык*. Ценностными коннотациями был также отмечен *церковнославянский язык*.

Коннотативный фон церковнославянского языка. Язык письменности на Руси появился одновременно с принятием христианства, и первые книги были книгами Священного Писания. Это в значительной мере повлияло на восприятие церковнославянского языка как сакрального языка¹⁰.

¹⁰ Здесь и далее приводятся данные по работе Б. А. Успенского [Успен-

Отношение к языку складывалось аналогично отношению к религии. Ошибки, описки в тексте могли рассматриваться как грех, ср. этимологически слово *погрешность* (ошибка) восходит к *греху*¹¹. За слово боролись, как за веру. Особенно ясно это видно в борьбе старообрядцев против реформы патриарха Никона (1653). «Порчу книг» — введение нового написания — старообрядцы понимали как ересь. В XV—XVII веках церковнославянский язык выступает как высшая ценность.

Коннотативный фон концепта русский литературный язык (XVIII—XIX вв.). Русский литературный язык в основном сохраняет коннотативный фон церковнославянского языка: язык мыслится и интерпретируется как высокая ценность. Главными «разработчиками» концепции русского языка в XVIII—XIX веках являются писатели, филологи, поэты. Полемике вокруг русского языка почти сразу приобретают патриотическую окраску: *язык важен для патриота...* [Карамзин 1820, 138]¹². Во многом это было обусловлено развитием русской государственности, литературы и романтического дискурса, который актуализировал идеи национальной идентичности, а следовательно, вопросы национального языка.

Концепция русского языка строится как развернутая метафора государства. Его роль отождествляется с ролью символа государства — государственного флага. Язык выступает как символический представитель государства, народа, нации. Общие коннотации русского языка: «богатство», «величие», «красота», «сила», «природное изобилие». Формируются аналогии: «величие государства — величие языка»; «величие народа, нации — величие языка», «слава оружия — слава языка».

Приведу примеры.

ский 1994, т. 1, с. 333—367]. См. также выше: § 2. Язык <=> Культура. Порядок смены коннотаций, подраздел: Религиозный дискурс.

¹¹ Б. А. Успенский пишет: «Не только содержание, но и языковая форма может быть признана еретической, соответственно, не только конкретный текст, имеющий какой-то определенный смысл, но и язык как способ выражения разнообразных смыслов может восприниматься как ересь». И далее: «Замечательно, что подобное отношение к ошибкам устной или письменной речи совершенно не характерно для католического Запада: невольная ошибка там не связывается с искажением содержания и, следовательно, не рассматривается как грех (между тем в России слово *погрешность*, произведенное от *грех*, собственно, и означает ошибку)» [Успенский 1994, т. 1, с. 339].

¹² Связь доктрины Отечества с родным языком подробно разбирается в книге И. И. Сандомирской [Сандомирская 2001].

(1) Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает [Ломоносов 1748, изд. 1952, с. 92].

(2) Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа российского, имели счастливое действие и на самый язык (...) Будущая судьба его зависит от государства [Карамзин 1818, с. 105].

(3) Во все времена и почти у всех народов слава языка следовала за славою оружия, гремя и возрастая вместе с нею [Глинка 1816, изд. 1951, с. 322].

(4) Мы сами не признаем силы и влияния языка, а между тем язык... решительно занимает третье место, как знамя, у которого тесно толпятся все народные силы! [Гончаров 1870, изд. 1938, с. 363—364].

(5) Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана [Кюхельбекер 1821, изд. 1954, с. 367].

(6) Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! [Тургенев 1882, изд. 1930—1934, с. 333].

Язык определяется также как «дающий народу бессмертие»: *Язык доставляет бессмертие времени и народу* [Бестужев 1821, с. 217] как «нравственная основа народа»: *Язык хранит народ от развращения* [Кюхельбекер 1821, изд. 1954, с. 366].

Таким образом, если для первого периода характерно понимание церковнославянского языка как символического представителя православия, то во второй период язык стал мыслиться как символический представитель Российского государства. В первый период ошибки или изменения в написании слов могли рассматриваться как отход от веры, во второй — использование заимствованных слов, неправильное употребление слов определялось как отсутствие или недостаток патриотизма. Русский язык продолжает мыслиться как ценностная категория, приобретающая коннотации «национального богатства», «выразителя нации, национального духа».

В связи с тем, что русский язык мыслится как «выразитель нации, национального духа», хотелось бы отметить следующее. Вероятной причиной борьбы сталинского режима с писателями и поэтами, а также с филологами, лингвистами, славистами как с политической оппозицией (я имею в виду судьбы репрессированных О. Э. Ман-

Х
дельштама, И. Э. Бабеля, Б. А. Пильняка, Н. А. Клюева, Д. И. Хармса, Е. Д. Поливанова и многих других) было то, что русский язык символически представлял государство, а следовательно, власть. Борьба с теми, кто владеет словом, изучает слово или же сам по себе *есть средство существования языка*¹³ может рассматриваться в контексте борьбы за власть, за полноту обладания ею. В этой связи кажется неслучайным, что власть обратила свое особое внимание именно на науку о языке: см. работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованную 20 июня 1950 г.

Коннотативный фон концепта русский литературный язык в Советском Союзе. При построении концепции *русского языка* в Советском Союзе был использован коннотативный фон концепта *русский язык*, выработанный XIX веком. Основными разработчиками официальной концепции были политики, идеологи, а также филологи и лингвисты¹⁴. Часть коннотаций претерпела изменения, общий подход к языку как к ценности, национальному богатству, объекту патриотических чувств сохранился.

‘Богатство и могущество’ русского языка выступает как ‘богатый культурно-исторический опыт’. Акцент на историчности позволяет рассматривать русский язык как продукт революционной истории, ср.:

(1) Русский язык — это (...) язык, на котором обобщен исторический опыт борьбы человечества за свое счастье и озарена дорога в грядущее, язык, на котором созданы бесценные творения научной и художественной мысли, язык открывателей Вселенной и первопроходцев новой жизни [Рашидов 1976, с. 6].

(2) Путь к овладению знаниями и опытом прогрессивного человечества лежит через освоение русского языка, одного из самых богатых международных языков [Филин 1976, с. 54].

Х
(3) В этот период усиливается роль русского языка как языка межнационального общения народов СССР, который щедро помогает также в обогащении и развитии всех национальных языков. Повышается культура всех языков социалистических наций [Белодед 1972, изд. 1981, с. 126].

Русский язык как выразитель ‘души народа, народного духа’ трансформируется в выразителя ‘духовного единства советского народа’, ср.:

¹³ Поэт (...) есть средство существования языка (Бродский И. А. Нобелевская лекция. 1987).

¹⁴ Указывая на профессиональные группы здесь (и выше), я имею в виду некоторый класс людей, который оказывался влиятельным в отношении политической концепции русского языка, а не вообще *всех лингвистов, всех филологов, всех писателей* и т. д.

...в возникновении советского народа, укреплении его единства выдающуюся роль сыграл и играет русский язык, являющийся мощным и действенным фактором духовной коммуникации людей, социальных групп и классов, народов и национальностей [Рашидов 1976, с. 14].

К новым коннотациям, возникшим в советское время, относится представление о русском языке как о выразителе ‘революционной мысли, идей прогресса’.

В советское время коннотативный фон концепта *русский язык* подвергается дальнейшей политизации. Русский язык сохраняет свою роль символического представителя государства, в данном случае *Советского государства*. Он интерпретируется таким образом, чтобы служить средством для выражения советской идеологии.

В описании роли русского языка в межнациональном общении ключевым становится глагол *приобщить* («малые народы» к прогрессу, культуре, идеологии и т. д.), ср.:

...его [русского языка. — Н. Б.] функция, наряду с функциями всех литературных языков народов страны в приобщении [рядка моя. — Н. Б.] всех народов СССР к достижениям мировой науки, культуры и искусства, к языковым ценностям языков мира [Белодед 1972, изд. 1981, с. 130—131].

По своему внутреннему образу *приобщение* предполагает включение во что-то общее: *чужое* становится *своим*, *далекое* — *близким*. *Приобщают* к тому, что считается *ценным*.

Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет три значения у глагола *приобщить* [Ушаков 1939, т. 3, с. 831]. Третье значение синонимично глаголу *причастить*: ‘Дать причастие кому-н., совершить над кем-н. обряд причастия’ [Ушаков 1939, т. 3, с. 877].

Вне ценностной ориентации слово *приобщать* функционирует плохо. Например, можно сказать: *Его пристрастили (а не приобщили) к сигаретам / к наркотикам*; но *Он приобщился к высокому искусству, к духовным ценностям*. Глагол *приобщать* референциально связан с ‘высоким’. ‘Высокое’ выступает как абсолют и не подлежит обсуждению. Оно осуществляется в разных формах: *воспитания, блага, прогресса, идеологии...*

Как и в XVIII—XIX веках, *русский язык* тесно соотносится с концепцией государства. *Приобщение к русскому языку* тех, для кого он не являлся родным, предполагает создание единого геополитического пространства на основе формирования единого языкового коллектива. *Строительство социалистического государства*, формирование об-

щества зрелого социализма велось путем приобщения разных национальностей, включая самих русских (ликвидация безграмотности), к русскому языку «Новая общность — советский народ» — это общность людей, владеющих русским языком как родным, как вторым родным, а также приобщенных к русскому языку:

Таким образом, анализ коннотаций показывает, что в разные исторические периоды коннотативное поле конструкта *русский язык* принципиально не менялось. Концепция *русского языка* была тесно связана с концепцией государства. В основании культурных коннотаций лежит представление о ценности языка. В современном словоупотреблении *русский язык* в значительной мере сохраняет ценностные коннотации.

Глава вторая

Социокультурные модели в языке

§ 1. Клише, общее место, китч, стереотип

Понятие масскультуры относится к XX веку. Обсуждаемые здесь *стереотип, клише, общее место, китч* также оформили свои вторичные значения в XX веке. К их общим свойствам можно отнести следующие:

- они регулярно повторяются в дискурсе;
- принимаются на веру и не нуждаются в доказательствах (неуместно предъявлять к ним вопросы: *Почему Р? Что значит X — это Р?*);
- не содержат ничего нового;
- являются результатом семантической редукции, при этом социальная функция у них вытесняет семантику;
- кореферентно связаны с воображаемым, а не с реальным;
- реализуются в языковых формах, в частности, во фразеологии;
- необычайно распространены;
- являются социокультурными моделями, обслуживающими масскультуру.

Стереотип, клише обсуждаются социологами, психологами, лингвистами. *Общие места, китч* — литературоведами и искусствоведами.

В противостоянии уникального, индивидуального общедоступному и массовому рассматриваемые единицы занимают вторую позицию. Идея *уникальности* поддерживает представление о культуре как о *ценности (власти ценности)*. Идея массовости, общедоступности поддерживает представление о культуре как о *функции (власти функции)*.

В языке, представляющем собой грандиозное хранилище гуманитарных идей, *уникальный* имеет положительные коннотации: *уникальная личность, возможность... уникальный человек, случай... уникальное событие...* Семантически *уникальный* связан с *непов-*